

Глава 7

Добровольцем в Действующую армию.

Чиновник для поручений. На Черноморском флоте.

Смерть матери. Взрыв на линкоре «Императрица Мария».

Белобилетник. Возвращение в Петроград. Убийство Распутина.

Отречение Николая II от престола. Беспорядки в столице.

Большевицкий переворот. Последние состязания. Отъезд в Крым. Отказ

Деникина. Прощание с Россией

Накануне нового сезона общее собрание членов ВСЛТК вынесло следующее постановление: «Ввиду текущих событий отказаться от устройства Всероссийского состязания в 1915 г. на все время военных действий, на случай же, если бы таковые прекратились, предоставить Комитету Союза полномочия на правах общего собрания решить означенный вопрос. Вместе с тем предложить клубам не устраивать в текущем сезоне открытых состязаний, но предоставить Комитету Союза разрешать устройство таковых в зависимости от обстоятельств»¹

Это собрание состоялось 15 марта 1915 года, а уже на следующий день Сумароков подал прошение проректору Императорского петроградского университета об увольнении в действующую армию сроком по окончании военных действий. Подал, несмотря на то, что для полноценной воинской службы был не пригоден – сказывались последствия перенесенного в детстве полиомиелита. Как честный и принципиальный человек, подался в Действующую армию, наверное, еще и потому, что не мог отсиживаться за спинами других, мириться с тем, что происходило в то время в Петрограде. «Трудно и противно говорить о петроградском обществе, которое, невзирая на войну, веселилось и кутило целыми днями, – вспоминала фрейлина Ее Императорского Величества Анна Вырубова. – Рестораны и театры процветали. По рассказу одной французской портнихи, ни в один сезон не заказывалось столько костюмов, как зимой 1915-1916 годов, и не покупалось такое количество бриллиантов: война как будто не существовала»².

Проходит еще две недели, и в «Петроградской газете» от 28 марта появляется сообщение о назначении графа Сумарокова-Эльстона: «По ходатайству главноуполномоченного Российского Общества Красного Креста при Черноморском флоте, князя Н.П. Урусова, Глав-

¹ Ежегодник ВСЛТК за 1915 год. С. 74.

² Тайны российского двора. С. 139. Минск, Харвест, 2002.

ное Управление Красного Креста назначило в его распоряжение чиновником для поручений студента графа Сумарокова-Эльстона».

В начале апреля 1915 года Михаил Сумароков прибыл в Севастополь – главную военно-морскую базу Черноморского флота для прохождения дальнейшей службы. Ситуация на море, как и на суше, в то время была не простой. В связи с появлением на море немецких подводных лодок наш флот был вынужден отказаться от активных действий тяжелых тихоходных эскадренных броненосцев в пользу легких эскадренных миноносцев. И все же наши потери были ощутимы. Особо досаждали нашему флоту немецкий линкор «Гебен» и крейсер «Бреслау», которые значительно превосходили наши броненосцы в скорости.

Потери нес не только наш военный флот, но и мирное население. Немецким крейсерам и линкорам нередко удавалось подходить достаточно близко к нашим берегам и открывать губительный орудийный огонь по населенным пунктам, что приводило к значительным потерям среди гражданского населения. Вот тут-то Красному кресту приходилось работать, не покладая рук. И Сумароков, как чиновник по особым поручениям, носился от одного пострадавшего населенного пункта к другому с тем, чтобы обеспечить своевременную помощь раненым.

Перед отъездом
на фронт:
сестра Елена,
мать Софья
Михайловна
и Михаил
(1915)

В мае – сентябре наш флот пополнился новыми кораблями. В строй вошли линкоры «Императрица Мария» и «Императрица Екатерина Великая», несколько миноносцев, подводных лодок, а также авиатранспорты «Николай I» и «Александр I», с гидросамолетами на борту. Самолеты поразили воображение 22-летнего Михаила. Стоя на берегу, он не раз наблюдал, как замороженный, за их взлетом и посадкой. Наблюдал и размышлял: «Вот бы самому сейчас взять и взлететь, да небо поближе увидеть! А то носишься, здесь, по земле, как угорелый, и света белого не видишь!»

3 апреля 1916 года телеграф принес для Сумарокова печальную весть: в Петрограде, на 56 году, скончалась его мать, Софья Михайловна. Это был тяжелый удар для Михаила. С самого раннего детства он был очень привязан к матери. Ему трудно было представить, как он будет теперь без нее обходиться.

Ведь для него она была не только матерью, но и большим другом, с которым он делился своими самыми сокровенными мечтами... Похоронили Софью Михайловну там же, где и отца, в Александро-Невской лавре.

А война тем временем продолжалась. И с моря перекинулась на сушу. Еще в декабре 1915 года основные силы фронта перешли в наступление. При содействии и поддержке флота русские войска 13 марта 1916 года взяли крепость Оф, а спустя неделю вступили и в Хамурган.

В начале апреля русские войска при огневом содействии кораблей Черноморского флота овладели крупнейшим портом и важным узлом обороны противника в Восточной Анатолии Трапезундом. А тут работы Красному кресту прибавилось как на море, так и на суше.

К концу 1916 года обстановка для русского флота на Черноморском театре военных действий значительно усложнилась. Материальная часть многих наших кораблей изнашивалась. Около 20 из них находились в ремонте. Из-за нехватки средств и материалов в Николаеве приостановилась постройка нового крейсера и других кораблей.

Однако одна из самых страшных катастроф случилась 7 октября 1916 года в Северной бухте Севастополя. В тот злополучный для нашего флота день на борту новейшего линкора «Императрица Мария» произошел мощный взрыв. При взрыве погибло 225 человек и еще 85 получили тяжелые ранения. Для ликвидации последствий взрыва были мобилизованы все ресурсы, в том числе и Красного креста.

Причина этой трагедии оставалась многие годы неизвестной, и лишь полвека спустя удалось доподлинно установить: взрыв был организован немецкой разведкой, орудовавшей в городе Николаеве.

Военные тяготы сказались на здоровье Сумарокова. 26 ноября 1916 года он был признан неспособным к дальнейшему несению службы по статье 81 действующего воинского Устава и навсегда от нее освобожден.

В середине декабря Михаил уже дома, в Петербурге. И попадает, как говорится, в самую гущу событий. Спустя несколько дней после его

возвращения в столицу убит Григорий Распутин – фигура одиозная, демоническая, известная на всю Россию своими «прорицаниями» и «исцелениями». Оказывая помощь больному гемофилией наследнику престола царевичу Алексею, Распутин приобрел неограниченное доверие императрицы Александры Федоровны и Николая II, став серым кардиналом при царском дворе – снимал и назначал министров, вмешивался в военные дела, погряз в интригах и заговорах.

Убийство «святого старца» вызвало громкий скандал в Петербурге и переполох в доме Сумароковых. Еще бы! По городу уже прокатились слухи, что в убийстве замешан их близкий родственник – 30-летний князь Феликс Юсупов.

Оказалось, что в последнее время Распутин был с Феликсом не в ладах, и в тот роковой вечер отправился во дворец к Юсупову для полного примирения. Ключнул он и на приманку – вино и пляски, до которых был охоч. Впоследствии ходила легенда, вспоминает в своих дневниках театральная звезда начала прошлого века Вера Юренева (впоследствии жена известного журналиста Михаила Кольцова, расстрелянного в годы Великого террора), что Распутина травили цианистым калием, но яд его не взял... На самом деле потом оказалось: человек, который передал яд, не захотел взять греха на душу. Он вместо яда дал безвредный порошок... Поняв, что «яд» не действует, Феликс выстрелил, Распутин упал. И возникает вторая легенда, что Феликс его убил, а он воскрес... На самом деле Феликс лишь ранил его... Распутин лежал недвижно на шкуре белого медведя... Феликс был наедине с ним в комнате. И тут Распутин очнулся и бросился его душить... Он кричал яростно, как раненое животное: «Феликс!», «Феликс!..» Что чувствовал Феликс, когда на него ринулся «труп»? От ужаса он стал невменяем, и Распутин сумел выбежать из подвала во двор. Его убили у самых ворот из револьвера, и, видимо, тоже не до конца. Когда его заворачивали в портьеру, чтобы погрузить в автомобиль, он приоткрыл глаз... И все они потом не могли забыть этот взгляд погибающего «животного».

Представляете себе, какой ужас охватил Елену и Мишу Сумароковых, когда они узнали правду об этой истории! Ведь с пресечением рода (1891) титул Юсуповых перешел, как известно, к графам Сумароковым-Эльстонам. Теперь на карту была поставлена честь всей семьи, всей династии Сумароковых.

Убийство Распутина послужило как бы сигналом к началу хаоса и массовых беспорядков в столице. 1917 год едва начался, как в Петрограде была введена карточная система. Хлеб и другие продукты выдавались только по карточкам. В городе вспыхнули «хлебные беспорядки». Но это было только начало.

Дальнейшие события 1917 года в Петрограде напоминали сводку с театра боевых действий. Судите сами: забастовка на Путиловском заводе, массовые демонстрации на улицах, всеобщая забастовка в горо-

де, царский указ о подавлении беспорядков в столице, расстрел демонстраций, захват Зимнего дворца и т.д. И это лишь хроника событий всего лишь одного месяца – февраля.

А после отречения Николая II от престола события в городе стали наворачиваться как снежный ком. Участились обыски, облавы, аресты и даже расстрелы ни в чем не повинных людей. Жить в Петрограде становилось просто опасно. Особенно для классов имущих.

«В тот же понедельник днем около 2 часов, желая посмотреть, что делается на улице, – вспоминал граф Владимир Коковцев, который жил вместе с Сумароковыми в одном доме на Моховой, – мы с же-

ной, ничего не подозревая, вышли пройтись по Моховой, по направлению к Сергиевской, захватив с собой и нашу собачку «Джипика». Не успели мы дойти до Сергиевской и повернуть направо, в сторону Литейной, как навстречу нам раздался залп ружейных выстрелов, и пули пролетели мимо нас. Мы побежали назад на Моховую и остановились, ища нашу собачку, которая скрылась в ближайšie ворота...

Феликс и Ирина
Юсуповы.
Петроград (1916).
Распутин еще жив...

Второго марта я вышел не надолго к моей сестре в Басков переулок, чтобы узнать, что творится у нее по соседству с артиллерийскими казармами, и едва успел вернуться домой, как раздался неистовый звонок у парадного входа, и в мою квартиру ввалилась толпа вооруженных солдат с неистовыми криками, что из окон моей квартиры стреляли по улице и убили какого-то солдата. Всего ворвалось человек 20. Эта ватага рассыпалась по всем комнатам, требуя выдачи оружия. Немалого труда стоило разъяснить ей, что никакого оружия у меня не было, если не считать стоявших у окна двух не заряженных карабинов, отобранных частями пограничной стражи на фронте и присланных мне, как бывшему шефу, на память. Стрелять из дома, стоящего даже не на улице а в глубине двора, не было никакого смысла, и после немалого препирательства толпа отхлынула, унося с собою винтовки, а руководивший ею субъект, оказавшийся переодетым рабочим, перед уходом сказал, что хорошо помнит меня еще по забастовкам 1905 года и советует мне запастись охранным свидетельством от коменданта Госу-

